

ФГБОУ ВО Брянский государственный университет
имени академика И.Г.Петровского
НИИ фундаментальных и прикладных исследований
Научно-образовательный центр
«Археолого-этнологическая лаборатория»,
Научно-исследовательский центр комплексного изучения
Среднедеснинского региона, совместный с Институтом археологии
РАН

Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий

Материалы XXXI международной студенческой археолого-
этнологической конференции 21-23 мая 2016 года

XXXII

Брянск – 2016

УДК 902+39(1-924.84)
ББК 63.4/5 (235.4+4Укр+4Бен)
Д-73

**40-летию Исторического факультета в составе Брянского
государственного университета имени академика
И.Г.Петровского посвящается**

Редколлегия:

Гурьянов В.Н. – начальник отдела организации научных исследований
Брянского государственного университета им. акад. И.Г.Петровского

Мищенко Т.А. – к.и.н., доцент Новозыбковского филиала Брянского госу-
дарственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Чубур А.А. – к.и.н., *Dr.hc IANH*, проф.РАЕ, директор НОЦ комплексного
изучения Среднего Подесенья НИИ ФиПИ Брянского государственного
университета им. академика И.Г. Петровского

Шинаков Е.А. – д.и.н., проф., директор НОЦ археолого-этнологическая
лаборатория НИИ ФиПИ Брянского государственного университета им.
академика И.Г. Петровского

Щеглова О.А. - к.и.н., с.н.с. Института истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург

Издание осуществлено на средства программы РДСО

Компьютерная верстка – А.А. Чубур

Д-73 **Древности** Средне-Западной России и сопредельных тер-
риторий. Материалы XXXII международной студенческой
археолого-этнологической конференции 21-23 мая 2016
года. – Брянск: РИО БГУ, - 2016. – 142 с., ил.

© - коллектив авторов

©- Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

- Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны. Мінск, 2010. С.60-70.
12. Олейников А.В. Варяжская гвардия Византии. М., 2015.
  13. Тауавичус А.З. Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. По данным археологии, этнографии и антропологии. М., 1959.
  14. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Отв. ред. В.В.Седов. М., 1987.
  15. Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. М., 2001.
  16. Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

Отчеты

Baubonis Z. Luotu, esančiu Asvejios (Moletu r.), Luokesaičio (Moletu r.), Gelvanes (Širvintu r.) ir Jagomanto (Svenčioniu) ežeruose 2000 m. inventorizacijos ataskaita. Vilnius, 2000.

Baubonis Z. Luokesu ežero (Moletu r.) polines gyvenvietes 2000 m. povandeniniu žvalgomuju archeologijos tyrimu ataskaita. Vilnius, 2000.

Pranckenaite E. Nauyu povandeniniu archeologiniu objektu rytu lietuvos ežeruose ir upese žvalgymu 2008 m. ataskaita. Vilnius, 2009.

Zabiela G. Paverkniu piliakalnio, Prienu raj., 1994 m. archeologiniu tyrinejimu ataskaita. Vilnius, 1995.

Майя Хоружая

*(Украина, Харьков Харьковский
национальный университет им. Каразина)*

Верхнесалтовский археологический комплекс: открытие, первые исследования, попытки музеефикации и охраны

В поисках основ, определяющих историко-культурное своеобразие современной Харьковщины и объемов её историко-культурных ресурсов почти сразу же большинством исследователей вспоминается Верхнесалтовский археологический комплекс. Очевидно, что это не случайно. Комплекс является одним из наиболее известных археологических объектов области. Открытый в 1900 г., Верхнесалтовских комплекс претерпел и десятилетия забвения и периоды повышенного внимания со стороны как ученых, так общественности. Однако, свой звездный час комплекс пережил в начале XX века, когда в его исследованиях принимали такие известные представители харьковской исторической науки как академик Д.И. Багалей и А.М.Покровский. Кроме чисто археологического, научного аспекта деятельность специалистов имело определенное

памятникоохранное и музейное значение. Поиск возможностей объединить всех трех названных составляющих в процессе введения археологического комплекса в систему историко-культурного наследия региона на первом этапе его обработки с 1900 по 1941 г. и посвящена данная статья.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью современной музеефикации Верхнесалтовского археологического комплекса, что на сегодняшний день предполагает не только превращение его в объект музейного показа, но и сохранение историко-мемориальной ценности комплекса как источника будущих исследований, что является неотъемлемой частью культуры. При этом никакая музеефикация не возможна без тщательного исследования самого объекта, анализа его состояния, истории его изучения.

Следует отметить, что в археологической литературе накопилось определенное число историографических наработок в области описания и оценки первых десятилетий исследования Верхнесалтовского комплекса. Историографическая традиция по данной теме начинает формироваться в 50 - 60-г. XX столетия. Именно тогда появились первые обобщающие научные работы, посвященные салтово-маяцкой культуре в целом. В этих работах Верхнесалтовскому комплексу, давшему название археологической культуры, уделяется не так много места. На сегодня отсутствует даже специальная работа, посвященная именно изучению Верхнесалтовского комплекса. С начала 50-х годов XX в. и до 2015 г. известны всего два типа работ: 1) обобщающие по салтово-маяцкой тематике, где упоминается Верхнесалтовский комплекс; 2) научные работы, посвященные отдельным объектам комплекса или отдельным исследовательским проблемам на этих объектах.

Среди ученых 1950-1960 гг. необходимо вычлениить две личности, научные взгляды которых обусловили существование двух почти противоположных оценок деятельности исследователей Верхнесалтовского комплекса 1900–1941 гг. Это харьковский профессор Б.А. Шрамко и ленинградский ученый И.И. Ляпушкин. Названные представители археологической науки по разному оценивали деятельность В.А. Бабенко, который не только открыл Верхнесалтовский комплекс, но и до конца 40-х годов XX ст. оставался наиболее активным его исследователем.

Первой свет увидела большая статья И.И. Ляпушкина, где автор отметил большое значение открытия Верхнесалтовского могильника [Ляпушкин, 1958, с. 85-150]. Исследователь подчеркнул, что передовые ученые начала XX в. связывали с комплексом большие надежды, и даже «начало новой эры» в изучении средневековых древностей юга Восточной Европы [Ляпушкин, 1958, с. 86]. Однако, как констатирует исследователь, к сожалению, дело раскопок памятника взял на себя, пользуясь хорошими личными отношениями с графиней П.С. Уваровой, учитель школы в с. Верхний Салтов В.А. Бабенко, который планировал исследовать комплекс в целом (городище, селище, могильник). Однако, уровень квалификации В.А. Бабенко был недостаточным для проведения серьезных работ и его планы остались не осуществленными. Все свои усилия В.А. Бабенко направил на поиск и раскопки катакомбных захоронений. При этом, как отметил И.И. Ляпушкин, раскопки могильника также не отвечали научным требованиям того времени, через что в 1915 г. Археологическая комиссия отказала В.А. Бабенко в выдаче ему открытого листа [Ляпушкин, 1958, с. 86]. Несмотря на это, В.А. Бабенко к 1911 г. успел самостоятельно раскопать до 200 катакомбных захоронений [Федоровский, 1913, с. 4]. Около 100 могил им было вскрыто в период с 1911 по 1914 г. [Ляпушкин, 1958, с. 87].

Б.А. Шрамко, описывая ранний период исследований памятника, более лояльно оценивает деятельность В.А. Бабенко. Возможно, это было связано с тем, что он знал В.А. Бабенко лично. Принимая в студенческие годы участие в раскопках С.А. Семенова-Зусера 1947-1948 гг. Верхнесалтовского комплекса, Б.А. Шрамко видел его за работой, ощутил определенную симпатию и уважение к этому человеку [Шрамко 1996, с. 145]. В своей монографии Б.А. Шрамко в целом позитивно оценивает деятельность В.А. Бабенко, не затрагивая подробностей [Шрамко, 1962, с. 265–292]. Тенденция такой оценки деятельности В.А. Бабенко, где преобладает доброжелательное, уважительное отношение, заметна среди современных харьковских ученых.

Напротив, критические рассуждения И.И. Ляпушкина развивает и детализирует в 1970-1980-е гг. С.А. Плетнева. Эта известная исследовательница салтовских древностей была категорически не согласна с методикой раскопок В.А. Бабенко, ссылается на мнение И.И. Ляпушкина и становится на его позицию [Плетнева, 1967, с. 3].

Она подвергает разгромной критике методику полевых исследований В.А. Бабенко, отмечая, что «стремительный темп и незнание элементарных правил ведения раскопок привели к гибели огромный, богатейший материал, добытый им при «разработках» могильника. В настоящее время мы не можем даже доверять тем комплексам, которые хранятся в Государственном Историческом музее и в Эрмитаже». И далее: «раскопки В.А. Бабенко мало чем отличались от печально известных всей археологической России раскопок графа Уварова на мерянских курганах» [Плетнева, 1981, с. 62]. Однако, стоит отметить, что плохая сохранность документации и материалов раскопок В.А. Бабенко обусловлен не только его низкой квалификационным уровнем как археолога, но и объективными обстоятельствами. Значительная часть материалов и документации пострадала во время Гражданской войны, а потом все материалы и документация, сберегавшиеся в музеях г. Харькова, погибли во время войны 1941-1945 гг.

Первые научные исследования Верхнесалтовского могильника начал местный учитель В.А. Бабенко в 1900 г. Однако, как указывал А.М. Покровский, о существовании этого памятника первыми узнали местные крестьяне, которые столкнулись с вещами из салтовских катакомбных захоронений после дождей и весенних паводков на склонах балок и яров [Покровский, 1905, с. 465]. Крестьяне начали грабить размытые могилы, собирать вещи, о чем и стало известно В.А. Бабенко, который исследовал несколько разрушенных захоронений и получил первые находки. Даже в начале первых раскопок у местных крестьян можно было купить некоторые вещи, происходящие из разрушенных и разграбленных катакомб [Покровский, 1905, с. 465]. Таким образом, поиск древних захоронений не вызывал особых сложностей потому, что размытые паводковыми водами входы в погребальные камеры на склонах яров четко указывали на существование древних погребений.

Все это происходило во время подготовки к проведению в Харькове XII Всероссийского археологического съезда (1902 г.). Комитет по подготовке съезда, после получения известий из Верхнего Салтова про открытие археологической памятника, принял решение обратить на неё особое внимание и взять под свою охрану. Первым на это решение откликнулся Харьковский университет, командировавший весной 1901 г. П.П. Ефименко и М.Е. Воронца с заданием провести

археологические разведки [Кадеєв, 1967, с. 104]. Вместе с В.А. Бабенко представители университета исследовали одну катакомбу.

Первые «правильные» раскопки могильника были проведены летом 1901 г. Д.И. Багалиём, Е.П. Трефиловым, А.М. Покровским. Под их руководством было исследовано 17 катакомб [Скирда, 2015, с. 95]. Осенью того же года А.П. Покровский самостоятельно продолжил раскопки и открыл еще 28 катакомбных захоронений [Покровский, 1905, с. 465–491]. В 1911 г. по поручению Харьковского университета работы на могильнике проводил А.С. Федоровский [Федоровский, 1913, с. 1-15; Федоровский, 1914, с. 75-84].

По последним подсчетам с 1900 по 1917 г на Верхнесалтовском могильнике было раскопано 325 катакомб [Аксенов, Хоружая, 2008, с. 19]. Сколько катакомб было раскопано после Октябрьской революции 1917 г. до 1941 г., точно не известно.

Следует отметить, что кроме описания процесса раскопок, описи найденных вещей и попыток их интерпретации, в докладах и дневниках В.А. Бабенко встречаются отдельные упоминания про музеефикацию коллекций из Верхнего Салтова. Так, В.А. Бабенко указывает, что раскопки могильника в Верхнем Салтове «проводились на протяжении 2-х лет 1903–1904 гг.: первый год за собственные средства; второй на средства Музея древностей и изящных искусств Харьковского Императорского Университета» [Бабенко, 1905, с. 548]. И дальше: «Вещи, полученные при раскопках в 1903 и в 1904 гг., как и раньше в 1902 г., приобретены Музеем Древностей Императорского Харьковского Университета» [Бабенко, 1905, с. 548]. Так же В.А. Бабенко приобретал у крестьян для музея Харьковского университета вещи из случайно разрытых могил [Бабенко, 1907, с. 383]. На деньги того же музея В.А. Бабенко проводил раскопки в 1904 г. на южной окраине могильника, у дороги ведущей из Байрака в Салтов [Бабенко, 1905, с. 549]. Следует понимать, что вещи из вскрытых захоронений поступили в университетский музей. Таким образом, передача материалов раскопок катакомбных захоронений в музей было систематическим на постоянной основе, а основным местом хранения коллекции из катакомб Верхнего Салтова стал Музей Харьковского Императорского Университета.

В 1918 г. из многих мест Украины приходили сообщения о проведении грабительских раскопок. Были такие примеры и на Харьковщине [Археологія, 1918, с. 198–200]. Так, во время нахождения

здесь оккупационных частей германской армии (1919 г.), один немецкий археолог без разрешения органов местной украинской власти с помощью солдат проводил раскопки на Верхнесалтовском могильнике, а полученные материалы были вывезены [Тесленко, 1927, с. 353].

На сегодня известно, что вещевые материалы раскопок, полученные в дореволюционный период исследования Верхнесалтовского могильника, кроме музеев г. Харькова и Волчанска, попали в коллекции других музейных заведений – Государственного Исторического музея (Москва), Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), Одесского археологического музея и др. Полевая документация экспедиций и найденные в этот период артефакты превратили археологический музей Харьковского университета, Музей имени Г.С. Сковороды и Волчанский музей в сокровищницы научных ценностей салтово-маяцкой культуры. Однако, в начале Великой отечественной войны все, что не удалось вывезти на восток, погибло.

Сразу с открытием в Верхнем Салтове археологического комплекса начался процесс научного осмысления и интерпретации полученных материалов. Известно, что наиболее точную гипотезу этнической принадлежности населения, оставившего могильник и городище у с. Верхний Салтов, предложил А.А. Спицын, который связал Верхнесалтовский могильник с аланами Кавказа [Спицын, 1909, с. 72]. Д.И. Багaley, Д.Я. Самоквасов ошибочно считали, что могильник у с. Верхний Салтов, как и одновременные ему северокавказские катакомбные могильники, принадлежали хазарам, ибо материальная культура могильников имеет такой высокий уровень, какой должны были обладать достаточно развитые племена создавшие свою государственность, а государство во второй половине VIII – X вв. имели хазары, следовательно, они и являются творцами культуры и хозяевами могильника [Багaley, 1914, с. 233; Самоквасов, 1908, с. 233]. Этой же точки зрения придерживался и главный исследователь могильника В.А. Бабенко [Бабенко, 1914, с. 464-470].

Если о могильнике стало известно только в начале XX в., то Верхнесалтовское городище было известно еще в XVII в. под названием Салтановского. Его местоположение было указано в «Книге Большому чертежу», которую в 1627 г. подготовили для московского царя Михаила Федоровича дьяки разрядного приказа Лихачев и Данилов [Книга Большому вертежу, 1950, с. 70]. При обследовании

местности А.М. Покровский указал место расположения городища в реалиях начала XX в. [Покровский, 1905, с. 465]. В 1905 г. по поручению Археологической комиссии Н.Е. Макаренко провел разведывательные раскопки городища. Им были исследованы остатки поселения и крепости XVII в., а культурный слой, связанный с хазарским периодом не был обнаружен [Макаренко, 1906, с. 122-144].

В следующем, в 1906 г., городище обследовал В.А. Бабенко. В результате этих работ появилось общее топографическое описание городища, сделанное в ходе визуального осмотра памятника [Бабенко, 1907, с. 408]. В это время на городище еще сохранились остатки каменных стен, возведенных и из песчаника [Бабенко, 1907, с. 408]. В связи с тем, что фрагменты керамики, найденные на городище, имели аналогии в керамическом комплексе Верхнесалтовского могильника, В.А. Бабенко предположил, что Салтовское городище в древние времена мало отношение к тому народу, который оставил катакомбный могильник [Бабенко, 1907, с. 409].

Обследовав по заданию Археологической комиссии местность между городищем и могильником, В.А. Бабенко констатировал, что вся возвышенность вдоль реки усеяна массой керамических обломков из плохо отмученной глины темно-серого и красного цвета, иногда встречаются мелкие вещи, бусы. Исследования низкой части долины вдоль Северского Донца от Салтова до с. Рубежное дало еще больше фрагментов такой посуды, что свидетельствовало о нахождении здесь обширного селища [Бабенко, 1907, с. 394]. В.А. Бабенко также отметил наличие здесь мощного культурного слоя, указал на его многослойность, и предположил принадлежность разных слоев разным народам [Бабенко, 1907, с. 396]. Выводы В.А. Бабенко подтвердили наблюдения А.С. Федоровского, который в 1911 г. собрал на территории могильника, городища и селища фрагменты керамики и пришел к выводу, что эти фрагменты принадлежат разным культурам. Исследователь выделил типично салтовскую керамику, керамику поздних кочевников и остатки сосудов, характерных для украинского гончарства эпохи казачества (XVII–XVIII ст.) [Федоровский, 1913, с. 3].

Таким образом, исследования Верхнесалтовского археологического комплекса в начале XX в. отличаются следующими достижениями: 1) был открыт сам комплекс, сначала могильник, а потом городище и селище; 2) были прекращены или уменьшены грабительские раскопки, совершаемые местными крестьянами; 3)

материалы комплекса начали поступать в музейные собрания, привлекли внимание научной общественности, стали объектом научной дискуссии на XII и XIII Археологических съездах, была установлена хронология археологического комплекса, его связь с хазарами, аланская этническая принадлежность населения, его оставившего; 4) в основном раскопкам подвергался сам катакомбный могильник, до 1941 г. было раскопано от 400 до 500 погребальных комплексов; 5) постепенно начала выясняться топография всего комплекса, определено место городища, начался процесс поиска границ могильников, зафиксирован факт наличия большого по площади селища; 6) разведывательные работы на городище показали наличие двух основных культурных горизонтов, слобожанско-украинского XVII в. и подстилающего его – салтовского слоя (вторая половина VIII – X вв.); 7) в первом приближении были открыты селища, собран подъемным материал на их территории и подтверждена их принадлежность к хазарскому времени (раскопки на селищах не проводились).

К сожалению низкий уровень документирования работ В.А. Бабенко и катастрофические обстоятельства в жизни страны привели к утрате большей части полученных материалов, те же что сохранились в большинстве своем зачастую в настоящее время депаспортизированы. На этот же первый период исследования Верхнесалтовского археологического комплекса приходится и формирование некоторых ошибочных утверждений, укоренившихся в специальной литературе. Во-первых, это характеристика самого городища как «большого городища», тогда как его размеры являются стандартными для лесостепных городищ салтово-маяцкой культуры [Афанасьев, 1993, с. 134-136]. Во-вторых – это представление о наличии «цитадели» и городища [Флёрв, 2010, с. 64], тогда как цитадель это и есть само городище, рядом с которым расположено обширное селище.

Музеефикация комплекса в рассматриваемый период была ограничена передачей вещевых коллекций в музейные собрания. Основным местом хранения был Музей древностей и изящных искусств Харьковского Императорского университета.

Охрана комплекса в условиях дореволюционного законодательства заканчивалась фактом проведения раскопок и покупкой у крестьян случайно найденных вещей с могильника.

Зафиксированный факт разрушения крестьянами остатков каменных стен был характерен для всех подобных памятников на новозаселенных территориях Российской империи, в частности и на Слобожанщине.

Литература:

1. Аксенов В.С., Хоружая М.В. К вопросу о количестве катакомбных могильников у с.Верхний Салтов // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко. – Харьков, 2008.
2. Археологія // Наше минуле. – 1918. – № 2.
3. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М., 1993.
4. Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове Волчанского уезда Харьковской губ // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII АС в г. Екатеринославле. – Харьков, 1905.
5. Бабенко В.А. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове // Труды XIII АС в Екатеринославле 1905. – Т.1. – М., 1907.
6. Бабенко В.А. Каменный город // Труды XV АС в Новгороде 1911. – Т. 1. – М., 1914.
7. Багалеи Д.И. Русская история. Т.1. Княжеская Русь (до Иоанна III). – М., 1914.
8. Кадєєв В.І. Український краєзнавець і археолог В.О. Бабенко // УІЖ. – 1967. – № 12.
9. Книга Большому чертежу. – М.-Л., 1950.
10. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА СССР. – 1958. – № 62.
11. Макаренко. Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. // ИАК. – 1906. – В. 19.
12. Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура // МИА - 1967. - № 146.
13. Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Новая серия. – 1909. – Ч. XIX.
14. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.
15. Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII АС. – Т.1. – М., 1905. - Т. 1.
16. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли - М., 1908.
17. Скирда В.В. Археологічна наука в Харківському університеті (1805 – 1920). – Харків, 2015.
18. Тесленко Г.І. Розкопи Верхньо-Салтівського могильника 1920 р. // Наукові записки науково-дослідчої кафедри Української культури. – Харків, 1927. – № 6.
19. Федоровский А.С. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII–X вв. // Вестник ХИФО. – Харьков, 1913. – В. 5.

20. Федоровский А.С. Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника 18–22 сентября 1911 г. // Вестник ХИФО. – В. 6. – Харьков, 1914.
21. Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М., 2010.
22. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков, 1962.
23. Шрамко Б.А. Из истории первых послевоенных археологических раскопок (воспоминания) // Українська історична наука на порозі ХХІ ст. – Харків, 1996. – Вип. 2.

Игорь Цеунов

(Украина, Киев, аспирантура Института археологии НАНУ)

Поняття «первісний комунізм» у радянській археології 20-30-х рр. ХХ ст.

Проблема первісного комунізму у радянській науці 20-30-х рр. ХХ ст. мала суто політичний характер. Характер мислення марксистів можна охарактеризувати наступним чином: історія повторюється, відповідно, якщо комунізм вже був колись у давньому минулому, то можливий і у майбутньому. Питання про первісний комунізм – це питання утвердження радянської влади в науці, зокрема в галузі археології та етнографії. У зв'язку з сьогодишньою політичною ситуацією в Україні та пострадянських країнах, актуально розглянути політичні спекуляції щодо археології в минулому. Критика ідеологізації героїзації та ідеологізації давньої історії у нацистській Німеччині знайшла широке відображення у радянській та пострадянській історіографії. Г. Косіна писав про виходи неолітичних племен так званих «індогерманців» (аріїв) на схід. Таке історичне обґрунтування давності німців, їх «арійськості» і стало одним з приводів агресії нацистів проти СРСР [Клейн, 2005, с. 748-799]. У той же час спекуляції радянських археологів у використанні минулого в політичних цілях, залишаються якимось поза увагою історіографів, істориків науки.

Мета цієї роботи - розкрити історію використання поняття «первісний комунізм» у 20-30-х рр. ХХ ст. Також важливо простежити наявність у роботах археологів логічного зв'язку між ідеями марксизму щодо первісності та реальним археологічним матеріалом.

Джерелами виступають роботи археологів, класиків марксизму (К. Маркса, Ф. Енгельса, В. І. Леніна), теоретиків комунізму 20-30-х рр. та ін. Поширеною формою дискусії в Москві та Ленінграді було